

Развитие человека в современном мире. 2026. № 1
Human Development in the Modern World. 2026, no. 1

Научная статья

УДК 159.9

Личностные предикторы склонности к девиантному поведению в старшем подростковом возрасте

Ольга Андреевна Богданова¹

¹Новосибирский государственный педагогический университет,
Новосибирск, Россия

Аннотация. В работе актуализируется проблема возникновения склонности к девиантному поведению в старшем подростковом возрасте, что обусловлено недостаточным количеством исследований, посвященных выявлению предикторов, оказывающих влияние на его формирование. На сегодняшний день смещается акцент с биологического, социологического и психологического подходов на критические, радикальные, постмодернистские концепции факторов формирования склонности к девиантному поведению, что не позволяет в полной мере создать психологический портрет личности старшего подростка, склонного к отклоняющемуся поведению. Цель исследования состоит в выявлении комплекса личностных черт у лиц старшего подросткового возраста, могущих выступать предикторами склонности к девиантному поведению и быть основой для составления психологического портрета личности девианта.

Методы и методики. В исследовании участвовали 108 респондентов – студенты колледжа старшего подросткового возраста (24 девушки и 84 юноши). Для выявления склонности к отклоняющемуся поведению использовалась методика Э. В. Леус, А. Г. Соловьева «Склонность к девиантному поведению», для исследования личностных черт – тест Р. Кеттелла «Многофакторная личностная методика» форма С, в адаптации А. Н. Капустиной, для исследования механизмов психологической защиты – методика Е. Р. Пилюгиной и Р. Ф. Сулейманова «Методика измерения психологической защиты». Для статистической обработки применялся регрессионный анализ.

Выявлено, что предикторами склонности к зависимому поведению выступают такие механизмы психологической защиты, как «юмор», «регрессия», «компенсация», «проекция», «рационализация», «предвосхищение», «ипохондрия»; личностные особенности: «расслабленность», «радикализм», «доминантность», «подозрительность», «низкая нормативность поведения». Детерминантами склонности к агрессивному поведению выступают механизмы психологической защиты: «диссоциация», «юмор», «вытеснение», «изоляция», «альтруизм», «отрицание», «сублимация», «проекция», «всемогущий контроль», «предвосхищение»; личностные особенности: «общительность», «эмоциональная нестабильность», «искусственность», «конформизм». Детерминантами склонности к суицидальному поведению выступили механизмы психологической защиты: «регрессия», «предвосхищение», «компенсация», «ипохондрия», «проекция», «всемогущий контроль»; личностные особенности: «рас-

слабленность», «подозрительность», «высокий самоконтроль», «радикализм», «общительность», «тревожность».

Ключевые слова: девиантное поведение; личностные предикторы; механизмы психологической защиты; старший подростковый возраст.

Для цитирования: Богданова О. А. Личностные предикторы склонности к девиантному поведению в старшем подростковом возрасте // Развитие человека в современном мире. – 2026. – № 1. – С. 32–51.

Original article

Personality predictors of deviant behavior in late adolescence

Olga A. Bogdanova¹

¹*Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia*

Abstract. The paper addresses the problem of the emergence of a propensity for deviant behavior in older adolescents, which is due to a lack of research dedicated to identifying predictors that influence its formation. Currently, there is a shift in emphasis from biological, sociological, and psychological approaches to critical, radical, and postmodern concepts of factors shaping the propensity for deviant behavior. This prevents the full creation of a psychological profile of an older adolescent prone to deviant behavior. The aim of the study is to identify a complex of personality traits in older adolescents that can act as predictors of a propensity for deviant behavior and serve as a basis for constructing a psychological profile of a deviant personality.

Methods and Techniques. The study involved 108 respondents – college students of older adolescent age (24 females and 84 males). To identify the propensity for deviant behavior, the E. V. Leus, A. G. Solovyov “Propensity for Deviant Behavior” methodology was used. For the study of personality traits, R. Cattell’s “Sixteen Personality Factor Questionnaire” (16PF) Form C, adapted by A. N. Kapustina, was employed. To investigate psychological defense mechanisms, the E. R. Pilyugina and R. F. Suleymanov “Methodology for Measuring Psychological Defense” was used. Regression analysis was applied for statistical processing.

It was found that predictors of a propensity for addictive behavior include psychological defense mechanisms such as “humor”, “regression”, “compensation”, “projection”, “rationalization”, “anticipation”, and “hypochondria”; as well as personality traits: “relaxedness”, “radicalism”, “dominance”, “suspiciousness” and “low behavioral normativity”. Determinants of a propensity for aggressive behavior are psychological defense mechanisms: “dissociation”, “humor”, “repression”, “isolation”, “altruism”, “denial”, “sublimation”, “projection”, “omnipotent control” and “anticipation”; as well as personality traits: “sociability”, “emotional instability”, “artificiality” and “conformity”. Determinants of a propensity for suicidal behavior were psychological defense mechanisms: “regression”, “anticipation”, “compensation”, “hypochondria”, “projection” and “omnipotent control”; personality traits: “relaxedness”, “suspiciousness”, “high self-control”, “radicalism”, “sociability”, “anxiety”.

Keywords: deviant behavior; personality predictors; psychological defense mechanisms; late adolescence.

For citation: Bogdanova O. A. Personality predictors of deviant behavior in late adolescence. *Human Development in the Modern World*, 2026, no. 1, pp. 32–51. (In Russ.)

Введение. Под склонностью к девиантному поведению понимается социальное явление, выражающееся в тенденциях личности совершать действия, не соответствующие официально установленным или же фактически сложившимся в обществе (культуре, группе) нормам и ожиданиям, может выражаться в форме зависимого, делинквентного, агрессивного или суицидального поведения. При определении факторов, оказывающих ключевое влияние на формирование склонности к девиантному поведению в старшем подростковом возрасте, важно учитывать совокупность как внешних, так и внутренних, субъективных и объективных переменных, таких как пол, гендер, этническая и классовая принадлежность [5], образ жизни семьи и особенности внутрисемейных отношений, личностные и характерологические изменения, связанные с воздействием специфического окружения [6], а также экономические и социокультурные факторы (например, актуализированные изменения ценностно-смысловой организации общества) [16].

Одним из социокультурных преобразований, которое нужно учитывать, считаются изменения гендерных стереотипов. Согласно результатам многочисленных исследований, особенности поведения лиц мужского и женского пола формировались в процессе длительного эволюционного развития. Так, мужчинам характерна более высокая поисковая активность и склонность к рисковому поведению, что предопределяет необходимость возникновения аддиктивных, аутоагрессивных и делинквентных форм поведения [4]. На разных этапах развития мужчины использовали агрессивные и насильственные действия в качестве ресурса, позволяющего выполнять жизненно важные задачи, а также участвовать в гонке за власть. По мнению Я. И. Гилинского, эта тенденция отражена и в тотальной зависимости женщин от воли мужчин, когда на протяжении многих веков женщины были ограничены в правах, что, кроме некоторых причин, было связано с тем, что они физически слабее, более эмоциональны, импульсивны, впечатлительны [5, с. 187–189].

В масштабном исследовании А. А. Реана и И. А. Коновалова установлено, что на сегодняшний день девушкам в большей степени свойственно переживание негативных эмоций и чувств, связанных с агрессией: враждебность, подозрительность, обида, раздражение и чувство вины. По мнению авторов статьи, это может быть объяснено изменением стереотипных представлений о маскулинности и феминности: «в определенных областях девушкам становится присуща склонность к традиционно маскулинному поведению» [17, с. 28]. Юношам более свойственно проявлять агрессию в открытой физической или вербальной форме, что может быть выражено в делинквентных и аутоагрессивных формах поведения [17].

Согласно мнению некоторых исследователей на формирование склонности к девиантному поведению также влияют такие гендерные характеристики, как феминность, маскулинность и андрогинность. Результаты исследования Е. Ю. Кольчик и В. Р. Ушакова показали, что подросткам, которым присущи маскулинные черты, свойственны негативизм, высокая самооценка, жесткие требования в отношении соблюдения собственных личностных границ. Таким образом, пренебрежение социальными нормами, ценностями, традициями, эталонами поведения, а также убежденность в собственной уникальности, способствуют возникновению склонности к агрессивному поведению, подавлению желаний и инициатив к действию у других лиц [8, с. 4]. Авторы утверждают также, что подросткам с выраженными феминными чертами более характерны такие свойства, как нежность, застенчивость, высокий уровень эмпатии и сопереживания, пластичность, тревожность, повышенное

чувство вины и выраженная потребность в риске. Было выявлено, что при усилении чувственных и эмоциональных переживаний у подростков может возникать склонность к самоповреждению, саморазрушению и аддиктивному поведению [8, с. 5].

Еще одним важным аспектом, влияющим на возникновение склонности к девиантному поведению, считается этническая принадлежность. Так, результаты некоторых исследований показывают, что мигранты испытывают трудности при адаптации к условиям новой культуры и ментальности коренного населения, поэтому могут возникнуть проблемы во взаимоотношениях как взрослых, так и подростков [3].

В случае возникновения конфликта между представителями разных этносов возрастает риск проявления ксенофобии, где агрессорами часто выступают подростки, а жертвами намного чаще становятся мигранты из южных стран и лица кавказской национальности: «Концептуальное пространство дискурсивного мира организовано векторами противопоставлений “свой” (россияне) – “чужие” (мигранты)» [11, с. 880]. Тем не менее проблема на сегодняшний день становится не столь однозначной, что обусловлено крупными потоками мигрантов в европейские страны, в том числе в Россию. Многие территории перенасыщены мигрантами, появляются районы, школы, в которых русскоговорящие дети находятся в меньшинстве и все чаще сталкиваются с проявлением агрессии со стороны мигрантов [1; 9]. В обществе усиливается конкуренция между поведенческими и социокультурными нормами, традиционными для коренных жителей и мигрантов.

Проявление ксенофобии имеет ситуационный характер: так, после совершения террористических актов коренное население начинает настороженно относиться к мигрантам, а в некоторых случаях проявлять откровенную враждебность и в грубой вербальной или физической форме призывать их «вернуться на родину». Стигматизированные мигранты вынуждены объединяться в закрытые группы, а дети осваивать только язык своего народа, что снова затрудняет их адаптацию. Это способствует закреплению оппозиции «свой – чужой», агрессия может стать единственным способом взаимодействия с представителями другого этноса, что также может выражаться в делинквентных формах поведения [20].

Следующим фактором риска возникновения склонности к девиантному поведению выступает «опасный класс». Идея данного явления в том, что большинство мелких преступлений совершаются лицами низших страт, оценка преступности среди высших страт невозможна по причинам коррумпированности и высокой степени латентности.

М. Н. Гернет после проведения масштабного анализа преступности между разными группами населения нескольких стран пришел к следующему выводу: высокая склонность к преступным действиям, а именно к мошенничеству, в классе успешных, финансово состоятельных лиц. Они считают морально непозволительными открытые и дерзкие преступные деяния и избирают более изощренные способы достижения поставленных целей, сохраняя неизменным внешнее приличие, что считается психологической особенностью преступности финансово обеспеченных правонарушителей [5, с. 195].

Семья, безусловно, также существенно влияет на становление личности и формирование склонности к девиантному поведению. В исследовании Е. Б. Кирилловой представлена статистика, отражающая поведение несовершеннолетних правонарушителей в зависимости от ситуации в семье: «60 % имеют по крайней мере одного судимого родителя; 70 % подвергались насилию со стороны родителей;

50 % выросли без отца; 42 % воспитывались в семьях, где родители злоупотребляли алкоголем, около 50 % росли в неблагополучных семьях» [6, с. 64]. Оказавшиеся в ситуации безнадзорности подростки чаще вовлекаются в различные девиантные группы и субкультуры, в поисках внимания и одобрения приобщаются к различным формам аддикций.

По мнению В. М. Миниярова, социально-психологический тип личности, проявляющийся в склонности к девиантному поведению, формируется под влиянием социальных факторов и педагогического воздействия семьи. Согласно данным раннее проведенного исследования выявлено, что есть прямая взаимосвязь между конформным типом личности и склонностью к аддиктивному, делинквентному и агрессивному поведению, а также между доминирующим типом и агрессивным поведением [2, с. 22]. Тем не менее в концепции В. М. Миниярова не учитывается влияние других факторов, таких как тип темперамента, наличие раннего травмирующего опыта, неврологические заболевания ребенка и т. д.

Не менее важную роль играет социокультурная среда и та группа сверстников, в которой подросток чувствует себя своим. Окружение подростка может трансформировать его личность, приобщая к аморальным ценностям, искажая представления о понятиях «дружба», «долг», «честь», «нравственность», игнорируя общепринятые нормы и правила поведения, что увеличивает риск возникновения девиантного поведения [6; 13].

Еще один важный фактор связан с влиянием информационно-коммуникативных технологий, выступающих в качестве основного источника сведений о мире и жизни. Вследствие несформированного критического мышления токсичный, неоднозначный, провокационный или откровенно агрессивный контент может восприниматься подростком с доверием, что актуализирует действия деструктивного или социально-опасного характера (например, телеграм-каналы, призывающие к скулшутингу) [18]. Именно подростки наиболее подвержены подобному деструктивному влиянию, что может быть связано с личностной предрасположенностью, индивидуально-психологическими особенностями, контекстом жизненной ситуации несовершеннолетнего и его социальным окружением: «Часто одним из факторов успешного воздействия на несовершеннолетнего деструктивного контента, распространяемого посредством информационно-коммуникационных технологий, выступает стремление подростков к саморазрушению на всех уровнях своего существования» [19, с. 56].

Индивидуально-психологические особенности подростков тоже считаются детерминантой формирования склонности к девиантному поведению, особенно в случае выявленных нарушений эмоционально-волевой сферы. Так, А. Е. Личко отмечал, что акцентуации характера подростка не позволяют ему адаптивно справляться с фрустрирующей ситуацией [14].

На сегодняшний день исследователями выявлено, что подростки-девианты характеризуются низкой мотивацией к обучению, а также деформированным представлением о моральных нормах и ценностях. Важно отметить, что, несмотря на актуальность рассматриваемой проблемы, наблюдается определенный дефицит в освещении проблемы склонности к девиантному поведению. В психолого-педагогической практике представлена тенденция работы с уже сформированным отклоняющимся поведением с целью его коррекции, при этом игнорируются вопросы своевременной и систематической профилактики. Недостаточная проработанность

методологических и прикладных аспектов проблемы не позволяет создать достоверный социально-психологический портрет личности подростка, склонного к девиантному поведению, и внедрять эффективные профилактические программы.

Цель исследования – определить комплекс личностных черт у лиц старшего подросткового возраста, которые выступают предикторами склонности к девиантному поведению, что даст основу для составления статистически обоснованного психологического портрета личности девианта.

Представленный анализ различных теорий и концепций определяет личность в рамках этого исследования как категорию, включающую широкий спектр психических процессов, обуславливающих особенности поведения человека в различных ситуациях. В контексте исследования мы определяем категорию «Личностные предикторы» как совокупность личностных черт (согласно теории Р. Кеттелла) и механизмов психологических защит (согласно теории К. Хорни).

Методы. Для выявления склонности к отклоняющемуся поведению среди несовершеннолетних была применена методика Э. В. Леус, А. Г. Соловьева «Склонность к девиантному поведению», позволяющая оценить склонности подростков к реализации различных форм отклоняющегося поведения.

Определение личностных черт выполнено при помощи «Многофакторного личностного опросника» (форма С) Р. Кеттелла, в адаптации А. Н. Капустиной [7].

Для исследования механизмов психологической защиты как личностных предикторов нами была использована методика Е. Р. Пилугиной и Р. Ф. Сулейманова «Методика измерения психологической защиты». Она определяет 20 механизмов защиты, которые разделены на четыре группы: «Психотические», «Инфантильные», «Невротические», «Адаптивные».

Эмпирическую выборку составили 108 респондентов – студенты колледжа телекоммуникаций и информатики старшего подросткового возраста (24 девушки и 84 юноши). Средний возраст испытуемых 16 лет.

Результаты исследования их обсуждение. Статистическая обработка данных включает оценку центральной тенденции распределения исследуемых параметров по методике Э. В. Леус, А. Г. Соловьева «Склонность к девиантному поведению». Было установлено, что средние значения по всем переменным ($N = 108$) относятся к уровню «Отсутствие склонности» ($M_x \leq 10$). С учетом полученного материала был проведен отбор лиц, наиболее явно демонстрирующих склонность к девиантному поведению. Сформированная таким образом выборка составила 45 человек – 8 девушек и 37 юношей, среднегрупповой профиль которых показан на рисунке 1.

Рис. 1. Среднегрупповой профиль ($N = 45$) по параметрам методики Э. В. Леус, А. Г. Соловьева «Склонность к девиантному поведению»

Выделенной группе испытуемых характерна ситуативная предрасположенность ($11 \leq M_x \leq 20$) к делинквентному ($M_x = 12,5$) [12], зависимому ($M_x = 11,1$), агрессивному ($M_x = 12,1$) и аутоагрессивному поведению ($M_x = 13,9$). Это характеризует их как склонных в ситуациях воздействия внешних средовых факторов (например, компания лиц, характеризующаяся девиантной активностью) совершать поступки, противоречащие установленным социальным нормам и правилам, испытывать сильные переживания и, в частности, чувство гнева, подавляя невыносимое состояние употреблением ПАВ и/или обращаясь к селфхарме.

По результатам методики Е. Р. Пилюгиной, Р. Ф. Сулейманова «Методика измерения психологической защиты» также был составлен среднегрупповой профиль, представленный на рисунке 2, согласно которому у испытуемых выявлен средний уровень проявления исследуемых механизмов психологической защиты с тенденцией к высокому ($18 \leq M_x \leq 33$) [15].

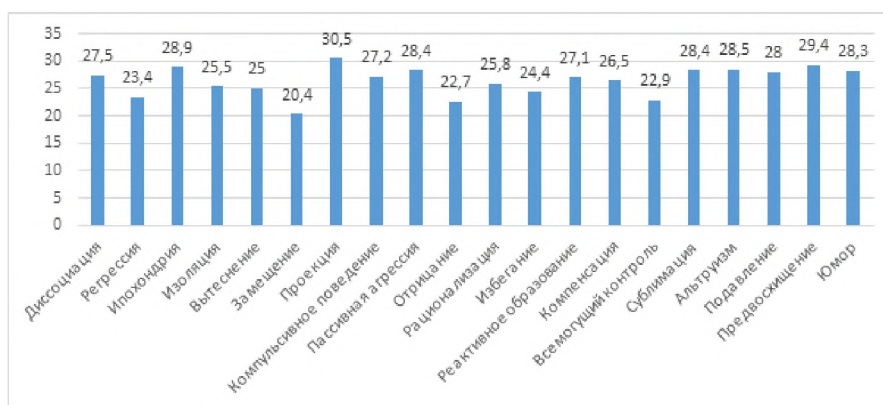
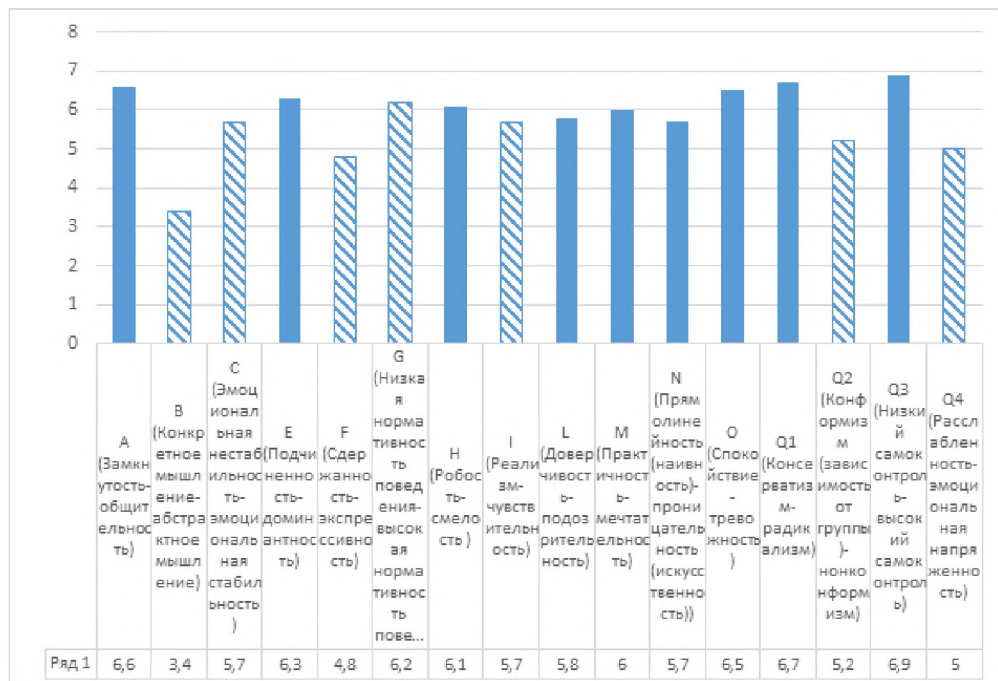

Рис. 2. Среднегрупповой профиль ($N = 45$) по параметрам методики Е. Р. Пилюгиной, Р. Ф. Сулейманова «Методика измерения психологической защиты»

Наиболее выражены параметры «адаптивные психологические защиты», что, по-видимому, указывает на психическое здоровье испытуемых и сформированные способности пластично реагировать на фрустрирующие ситуации. Важно отметить, что наиболее используемыми механизмами психологической защиты выступают «Проекция» ($M_x = 30,5$), «Предвосхищение» ($M_x = 29,4$), «Ипохондрия» ($M_x = 28,9$). Испытуемые, возможно, склонны приписывать другим лицам собственные чувства, переживания, идеи и мысли, заранее представлять и пытаться предвосхищать все возможные варианты событий, происходящих в будущем, с целью выбора оптимальных вариантов решения этих гипотетических проблем. Также они достаточно чувствительны к воздействию ситуативных фрустрирующих факторов и склонны к уходу в соматизацию вплоть до развития серьезных обострений хронических заболеваний.

Наименее выраженными психологическими защитами являются «Замещение» ($M_x = 20,4$), «Отрицание» ($M_x = 22,7$) и «Всемогущий контроль» ($M_x = 22,9$), что отражается в отсутствии потребности использовать других людей и объекты в качестве заместителей в эмоционально сложных ситуациях. Испытуемые часто недостаточно осознают степень опасности ситуации и не проявляют соответствующей реакции тревоги. Могут испытывать сложности при попытках управлять ситуацией, игнорируя сложившиеся в коллективе нормы, мнения и интересы.

Среднегрупповой профиль с выраженными положительными и отрицательными полюсами факторов по методике Р. Кеттелла «Многофакторная личностная методика» представлен на рисунке 3.

Примечание¹:

- положительный полюс фактора;
- отрицательный полюс фактора.

Рис. 3. Среднегрупповой профиль (N = 45) по параметрам методики Р. Кеттелла «Многофакторная личностная методика» (форма С), в адаптации А. Н. Капустиной

Согласно полученным данным, наиболее выражены показатели по переменным: фактор Q_3^+ «Низкий самоконтроль – *высокий самоконтроль*» ($M_x = 6,9$), Q_1^+ «Консерватизм – *радикализм*» ($M_x = 6,7$) и O^+ «Спокойствие – *тревожность*» ($M_x = 6,5$). У исследуемых подростков достаточно сформировались регуляторные механизмы контроля собственного поведения, а также сложных волевых действий. Им характерны целенаправленность, стремление к экспериментированию в различных сферах жизни, пластичное отношение к переменам. Вместе с тем они испытывают некоторое недоверие к определенным авторитетам конкретного общества, ситуативное беспокойство и чувствительность.

Наименее выраженными факторами являются: В- «Конкретное мышление – абстрактное мышление» ($M_x = 3,4$), F- «Сдержанность – экспрессивность» ($M_x = 4,8$), Q_4^- «Расслабленность – напряженность» ($M_x = 5$). Полученные результаты указывают на преобладание наглядно-образного конкретного мышления, недостаток мотивации, невозмутимость и некоторую апатичность.

¹ Профиль составлен на основе «сырых» баллов, т. к. вариант теста в адаптации А. Н. Капустиной не требует перевода в стандартные показатели (стены).

Для оценки влияния личностных черт как предикторов склонности к девиантному поведению использовался множественный регрессионный анализ, параметры склонности к девиантному поведению выступали в качестве зависимых переменных, а личностные характеристики в качестве предикторов. В результате регрессионного анализа были построены четыре регрессионные модели.

Представленные в таблице 1 результаты указывают на то, что уровень значимости рассчитанной регрессионной модели ($p = 0,3$) превышает допустимый порог ($p \leq 0,05$) и не позволяет считать ее достоверной, поэтому дальнейший анализ этой модели невозможен из-за высокой вероятности ошибки.

Таблица 1

Личностные предикторы склонности к делинквентному поведению

Зависимая переменная	R ²	F	Ур. знач. регресс. модели (p)	Значимые предикторы*	β	Ур. знач.
Склонность к делинквентному поведению	0,9	1,5	0,3	Q ₁ (Консерватизм – радикализм) ¹	1,2	0,04
				Предвосхищение ¹	–0,9	0,05
				H (Робость – смелость) ¹	0,9	0,04

1 – параметры «Методики измерения психологических защит»

2 – параметры «Многофакторной личностной методики»

Результаты статистического анализа, представленные в таблице 2, показывают, что переменная «Склонность к зависимому поведению» тесно связана с выявленными предикторами, эта модель считается статистически значимой ($p = 0,04$) и может быть содержательно интерпретирована, а также объясняет 96 % изменчивости изучаемого признака.

Таблица 2

Личностные предикторы склонности к зависимому поведению

Зависимая переменная	R ²	F	Ур. знач. регресс. модели (p)	Значимые предикторы*	β	Ур. знач.
1	2	3	4	5	6	7
Склонность к зависимому поведению	0,96	4	0,04	Юмор ¹	–2,3	0,04
				Q ₄ (Расслабленность – эмоциональная напряженность) ²	–1,8	0,009
				Регрессия ¹	1,3	0,05
				Q ₁ (Консерватизм – радикализм) ²	1,2	0,006
				Компенсация ¹	1,05	0,05
				E (Подчиненность – доминантность) ²	1,05	0,01
				L (Доверчивость – подозрительность) ²	1	0,02
				Проекция ¹	–0,9	0,02
				Рационализация ¹	0,9	0,03
				Предвосхищение ¹	–0,8	0,01

1	2	3	4	5	6	7
				G (Низкая нормативность поведения – высокая нормативность поведения) ²	0,7	0,01
				Ипохондрия ¹	0,7	0,02

1 – параметры «Методики измерения психологических защит»

2 – параметры «Многофакторной личностной методики»

Анализ полученных результатов показал, что детерминантой склонности к зависимому поведению с наибольшим отрицательным вкладом считается предиктор «Юмор» (при $\beta = -2,3$). Полученные данные отражают тезис о том, что здоровое чувство юмора, как проявление способности шутить и смеяться над собой в позитивных и негативных жизненных ситуациях, выступает одним из критериев зрелости психики. Недостаток этого свойства может лежать в основе многих поведенческих реакций и, в частности, склонности к зависимым формам поведения. В этом случае несформированность этого адаптивного механизма психологической защиты формирует склонность к зависимому поведению. Юмор, как механизм психологической защиты, позволяет снять психоэмоциональное напряжение в любых фрустрирующих ситуациях, таким же эффектом обладают и психоактивные вещества, которые в силу их доступности в настоящее время могут применяться подростками.

Предиктор Q_4^- «Расслабленность – эмоциональная напряженность» также отрицательно влияет на формирование склонности к зависимому поведению (при $\beta = -1,8$). Таким испытуемым свойственна апатичность, расслабленность, незаинтересованность в труде, низкая мотивация к изменениям. Как правило, респонденты удовлетворены своим положением ($M_x = 5$) и тем, как организована их жизнь, что предопределяет отсутствие реальных целей и желаний что-либо изменить, способствуя возникновению аддиктивного поведения как одного из способов усиления гедонистического наслаждения.

Следующим предиктором, обуславливающим склонность к аддиктивному поведению, выступает «Регрессия» (при $\beta = 1,3$). В различных жизненных ситуациях, особенно в сложных, таким испытуемым свойственно использовать более примитивные формы поведения с целью минимизации разрушающего воздействия стресс-факторов на психику: однотипные монотонные движения (стереотипии), плаксивость, деструктивное поведение, включающее разрушение предметов, вспышки гнева и т. д. ($M_x = 23,4$). С помощью этого механизма психологической защиты, который относится к психотическому уровню, возникает склонность к зависимому поведению. Аддикция игнорирует факторы фрустрирующей ситуации либо гиперболизирует их до такой степени, что испытуемый под воздействием психоактивных веществ склонен к решению проблем с применением физической силы. Зависимое поведение также может выступать в качестве способа избавления от чувства вины посредством возложения ответственности на противоположную сторону конфликта.

Предиктор Q_1^+ «Консерватизм – радикализм» также влияет на формирование склонности к зависимому поведению (при $\beta = 1,2$). Испытуемым свойственна тенденция к нарушению устоявшихся в обществе традиций, их взгляды во многом отличаются от идей конкретного общества, они склонны проявлять недоверие и скептицизм ($M_x = 6,7$). Подростки с такого рода радикальными представлениями склонны к аддиктивному поведению, что, возможно, связано с потребностью формирования

собственного мнения посредством переживания конкретного опыта. Кроме того, воздействие психоактивных веществ помогает принять иррациональное решение и снизить способность к аналитическому мышлению, что позволяет без колебаний отстаивать собственные радикальные взгляды.

Предикторы «Компенсация» и E^+ «Подчиненность – доминантность» в равной степени влияют на формирование склонности к зависимому поведению (при $\beta = 1,05$). Таким подросткам свойственен механизм психологической защиты, направленный на возмещение реально существующего или мнимого недостатка посредством собственной успешности в иных сферах, данный предиктор тесно связан с самооценкой личности, поэтому испытуемые тяжело переживают любые неудачи ($M_x = 26,5$). Также этим испытуемым свойственно проявление агрессии, выражение несогласия с альтернативным мнением, конфликтность, самостоятельность и упрямство ($M_x = 6,3$). Таким образом, из-за предикторов «Компенсация» и E^+ «Подчиненность – доминантность» возникает склонность к аддиктивному поведению, что может быть связано с тяжестью переживания фрустрации и подвижностью самооценки, аддикция способствует получению суррогатных эмоций и, как следствие, усиливает самооценку.

Кроме вышеописанных личностных предикторов, детерминантами склонности к зависимому поведению выступают:

1) L^+ «Доверчивость – подозрительность» (при $\beta = 1$, $M_x = 5,8$) – настороженность по отношению к окружающим людям, употребление ПАВ снижает напряжение, вызванное осторожностью и недоверчивостью в отношениях с окружающими.

2) «Рационализация» (при $\beta = 0,9$, $M_x = 25,8$) – попытка найти псевдо объяснение фрустрирующему событию или перекладывание ответственности на другое лицо с целью сохранения самооценки, ПАВ также снижает психоэмоциональное напряжение.

3) «Ипохондрия» (при $\beta = 0,7$, $M_x = 28,9$) – ухудшение самочувствия, вплоть до обострения хронических заболеваний, в случае переживания невыносимой фрустрирующей ситуации с целью привлечения внимания к себе и получения необходимой заботы. Употребление ПАВ позволяет снизить напряжение от фрустрирующей ситуации и испытать суррогатные эмоции, не привлекая к себе внимания со стороны окружающих.

4) G^- «Низкая нормативность поведения – высокая нормативность поведения» (при $\beta = 0,7$, $M_x = 6,2$) – склонность к непостоянству, игнорированию устоявшихся в обществе норм и правил, в этом случае употребление ПАВ нивелирует чувство вины и ответственности за собственные поступки, снижая сознательную рациональную деятельность.

5) «Проекция» (при $\beta = -0,9$, $M_x = 30,5$) – испытуемым не свойственно приписывать собственные переживания другому лицу и критиковать их поступки, а, следовательно, ожидать по отношению к себе подобных реакций, ПАВ позволяет справиться с постоянной самокритикой и получить суррогатные эмоции.

6) «Предвосхищение» (при $\beta = -0,8$, $M_x = 29,4$), – у респондентов наблюдается недостаток функции планирования и предсказания возможных вариантов развития сложившейся ситуации, иначе говоря, при употреблении ПАВ испытуемые не задумываются о последствиях.

Результаты расчета множественной регрессии, представленные в таблице 3, показывают, что переменная «Склонность к агрессивному поведению» тесно связана

с выявленными предикторами. Полученная модель является статистически значимой ($p = 0,01$) и может быть содержательно интерпретирована, а также она объясняет 97 % изменчивости изучаемого признака.

Таблица 3

Личностные предикторы склонности к агрессивному поведению

Зависимая переменная	R ²	F	Ур. знач. регресс. модели (p)	Значимые предикторы*	β	Ур. знач. (p)
Склонность к агрессивному поведению	0,97	6,73	0,01	Диссоциация ¹	2,1	0,002
				Юмор ¹	-1,9	0,03
				Вытеснение ¹	1,1	0,01
				A (Замкнутость – общительность) ²	1	0,008
				Изоляция ¹	0,9	0,02
				C (Эмоциональная нестабильность – эмоциональная стабильность) ²	0,86	0,01
				Альтруизм ¹	-0,8	0,01
				N (Прямолинейность (наивность) – проницательность (искусственность)) ²	-0,79	0,01
				Отрицание ¹	0,76	0,008
				Сублимация ¹	0,7	0,006
				Проекция ¹	-0,6	0,03
				Q ₂ (Конформизм (зависимость от группы) – неконформизм) ²	0,54	0,02
				Всемогущий контроль ¹	0,5	0,02
				Предвосхищение ¹	-0,5	0,04

1 – параметры «Методики измерения психологических защит»

2 – параметры «Многофакторной личностной методики»

Анализ полученных результатов показал, что детерминантой формирования склонности к агрессивному поведению с наибольшим вкладом считается предиктор «Диссоциация» (при $\beta = 2,1$). Испытуемым присущ механизм психологической защиты, позволяющий огородиться от непереносимых эмоций посредством отделения чувств и эмоций от сознания, они склонны переживать чувство потери контроля над поведением и временем ($M_x = 27,5$). Этот механизм психологической защиты нарушает восприятие как «образа-Я», так и внешних стимулов, влияет на формирование склонности к агрессивному поведению, испытуемые не осознают собственные совершаемые действия, что может привести к последствиям различной степени тяжести.

Предиктор «Юмор» также влияет на формирование склонности к агрессивному поведению (при $\beta = -1,9$). Механизм действия этой защиты и ее влияние на возникновение склонности к агрессивному поведению идентичны, как и при формировании склонности к зависимому поведению (табл. 2).

Следующим предиктором, обуславливающим склонность к агрессивному поведению, считается «Вытеснение» (при $\beta = 1,1$). Для исследуемой выборки характер-

но вытеснение из поля сознания некоторых травмирующих факторов, что, в свою очередь, повышает тревожность и снижает адаптационный потенциал, при частичном осознании информации возможно появление неприятных телесных ощущений и эмоциональных переживаний, тесно связанных с конкретным вытесненным переживанием ($M_x = 25$). Влияние этого механизма психологической защиты на регрессионную модель, возможно, связано с частичным осознанием травматического опыта, что повышает уровень агрессии, позволяющей снизить возникшее психоэмоциональное напряжение, и ее выражения в формах физического или эмоционального насилия.

Предиктор A^+ «Замкнутость – общительность» также влияет на формирование склонности к агрессивному поведению (при $\beta = 1$). Испытуемым характерны легкость при установлении новых межличностных контактов, готовность к сотрудничеству и совместной работе, а также желание добиться лидерских позиций ($M_x = 6,6$). Вклад этого предиктора, возможно, обусловлен связью с эмоциональным насилием, подросткам выгодно обсудить личную жизнь кого-то из своих близких, причиняя ему вред, получая взамен престиж и популярность среди сверстников.

Предиктор «Изоляция» тоже влияет на формирование склонности к агрессивному поведению (при $\beta = 0,9$). Испытуемым свойственен механизм эмоционального отключения при переживании фрустрационной ситуации, выглядящий как равнодушие, бесчувственность ($M_x = 25,5$). Активизация механизма «Изоляция» возникает в случае, если невозможно управлять сложившейся ситуацией и изменить ее последствия. Вклад этого предиктора при формировании склонности к агрессивному поведению выражается в резких вспышках гнева после продолжительного действия этого механизма психологической защиты, происходящего эмоционального включения в ситуацию.

Предикторы C^- «Эмоциональная нестабильность – эмоциональная стабильность» (при $\beta = 0,86$, $M_x = 5,7$) и N^+ «Прямолинейность (наивность) – проницательность (искусственность)» (при $\beta = -0,79$, $M_x = 5,7$) также влияют на формирование склонности к агрессивному поведению. Для испытуемых характерны импульсивность, резкость в высказываниях и действиях с явной нестабильностью в эмоциональном состоянии, раздражительность, утомляемость, при этом прямота и непринужденность в требованиях и суждениях, они увертливы и добиваются желаемых целей любой ценой. Из-за особенностей этих факторов возникает склонность к агрессивному поведению, т. к. агрессия может быть ресурсом для достижения цели.

Кроме вышеописанных личностных предикторов, детерминантами склонности к агрессивному поведению выступают:

1) «Отрицание» (при $\beta = 0,76$, $M_x = 22,7$) – отрицание опасности сложившейся ситуации, иначе говоря, испытуемые игнорируют опасность собственного вызывающего агрессивного поведения.

2) «Сублимация» (при $\beta = 0,9$, $M_x = 28,4$) – этот механизм психологической защиты направлен на компенсацию посредством перенаправления агрессивного потенциала в социально-одобряемую активность, что обуславливает положительную связь склонности к агрессивному поведению и «Сублимации».

3) Q_2^- «Конформизм (зависимость от группы) – неконформизм» (при $\beta = 0,54$, $M_x = 5,2$) – фактор указывает на зависимость респондентов от мнения общества, склонность к агрессивному поведению снижает эмоциональное напряжение при неодобрении их действий.

4) «Всемогущий контроль» (при $\beta = 0,5$, $M_x = 22,9$) – предполагает фактические или мнимые попытки управления фрустрирующей ситуацией, не учитывая интересы окружающих, склонность к агрессивному поведению в этом случае, во-первых, может быть ресурсом для продуктивного решения ситуации, во-вторых, способом коммуникации в коллективе с применением эмоционального или физического насилия.

5) «Альтруизм» (при $\beta = -0,8$, $M_x = 28,5$) – выборке не свойственно совершение социально значимых поступков, что не противоречит логике и формирует склонность к агрессивному поведению.

6) «Проекция» (при $\beta = -0,6$, $M_x = 30,5$) – испытуемым не свойственно приписывать собственные переживания другому лицу и критиковать их поступки, что формирует склонность к агрессивному поведению.

7) «Предвосхищение» (при $\beta = -0,5$, $M_x = 29,4$) – этот механизм идентичен, как и при формировании склонности к зависимому поведению.

Результаты расчета множественной регрессии, представленные в таблице 4, показывают, что переменная «Склонность к суицидальному поведению» тесно связана выявленными предикторами. Эта модель является статистически значимой ($p = 0,001$) и может быть содержательно интерпретирована, она также объясняет 99 % изменчивости изучаемого признака.

Таблица 4

Личностные предикторы склонности к суицидальному поведению

Зависимая переменная	R^2	F	Ур. знач. регресс. модели (p)	Значимые предикторы*	β	Ур. знач.
Склонность к суицидальному поведению	0,99	17,15	0,001	Q_4 (Расслабленность – эмоциональная напряженность) ²	-0,84	0,01
				Регрессия ¹	0,79	0,02
				Предвосхищение ¹	-0,79	0,001
				L (Доверчивость – подозрительность) ²	0,75	0,002
				Компенсация ¹	0,74	0,01
				Q_3 (Низкий самоконтроль – высокий самоконтроль) ²	0,64	0,002
				Q_1 (Консерватизм – радикализм) ²	0,6	0,005
				Ипохондрия ¹	0,5	0,004
				A (Замкнутость – общительность) ²	-0,5	0,01
				Проекция ¹	-0,46	0,02
				O (Спокойствие – тревожность) ²	-0,46	0,04
				Всемогущий контроль ¹	-0,44	0,004

1 – параметры «Методики измерения психологических защит»

2 – параметры «Многофакторной личностной методики»

Детерминантой формирования склонности к суицидальному поведению с наибольшим вкладом считается предиктор Q_4 – «Расслабленность – эмоциональная

напряженность» (при $\beta = -0,84$). Как было описано ранее, аддитивное поведение способствует получению суррогатных эмоций и восстановлению баланса, эмоциональной стабильности, подобным эффектом также обладают и аутоагрессивные действия. Невозможность пережить эмоциональный дискомфорт вынуждает личность наносить вред телу ($M_x = 5$), что снижает тревожность, восстанавливает эмоциональное благополучие.

Следующим предиктором, обуславливающим склонность к суицидальному поведению, выступает «Регрессия» (при $\beta = 0,79$). Так, испытуемым свойственны примитивные способы переживания фрустрирующей ситуации, не связанные с физическим дискомфортом. Аутоагрессивное поведение также считается примитивным способом переживания негативной ситуации, предполагающей причинение физического вреда здоровью ($M_x = 23,4$), т. е. эмоциональная отрешенность, инфантильность выступают детерминантой формирования склонности к суицидальному поведению.

Детерминантой формирования склонности к суицидальному поведению с отрицательным вкладом также считается предиктор «Предвосхищение», влияет на формирование склонности к аутоагрессивному поведению (при $\beta = -0,79$). Испытуемым свойственна неспособность качественно предполагать последствия собственных действий, а также переоценка своих возможностей ($M_x = 29,4$). Возможно, именно отсутствие представлений о результатах своих действий выступает детерминантой формирования склонности к суицидальному поведению, индивид не осознает последствий от причинения вреда собственному телу.

Предиктор L^+ «Доверчивость – *подозрительность*» влияет на формирование склонности к аутоагрессивному поведению (при $\beta = 0,75$). Для подростков характерны перекалывание ответственности за ошибки на других лиц, эгоцентричность, раздражительность ($M_x = 5,8$). Убежденность в собственной значимости во всех сферах жизни выступает детерминантой формирования склонности к суицидальному поведению, индивид вынужден самостоятельно наносить вред своему телу, что снижает психоэмоциональное напряжение, вызванное опасливостью.

Предиктор «Компенсация» выступает как детерминанта формирования склонности к суицидальному поведению (при $\beta = 0,74$). Поскольку этот механизм психологической защиты тесно связан с самооценкой личности, индивид, в случае собственной неуспешности, вынужден совершать аутоагрессивные действия, которые способствуют переживанию данной проблемы.

Кроме вышеописанных предикторов, детерминантами склонности к суицидальному поведению выступают:

1) Q_3^+ «Низкий самоконтроль – *высокий самоконтроль*» (при $\beta = 0,64$, $M_x = 6,9$), на наш взгляд, этот фактор показывает, скорее, целенаправленность действий респондента и контроля, что формирует склонность к аутоагрессивному поведению, позволяя снизить эмоциональное напряжение, не причиняя дискомфорт окружающим.

2) Q_1^+ «Консерватизм – *радикализм*» (при $\beta = 0,6$, $M_x = 6,7$) – фактор показывает скептицизм и недоверие окружающим людям, респонденты испытывают иллюзию независимости и способности самостоятельно справиться с фрустрирующей ситуацией посредством аутоагрессивных действий.

3) «Ипохондрия» (при $\beta = 0,5$, $M_x = 28,9$) – действие этого механизма психологической защиты идентично, как и при формировании склонности к аддитивному поведению (табл. 2).

4) A^+ «Замкнутость – общительность» (при $\beta = -0,5$, $M_x = 6,6$) – этот фактор вызывает на отчужденность и скрытность респондентов, будучи непонятыми обществом им нужно реализовать агрессивный потенциал и снять эмоциональное напряжение, что формирует склонность к аутоагрессивному поведению.

5) O^+ «Спокойствие – тревожность» (при $\beta = -0,46$, $M_x = 6,5$) – фактор показывает спокойствие и хладнокровие респондентов, что формирует склонность к аутоагрессивному поведению.

6) «Проекция» (при $\beta = -0,46$, $M_x = 30,5$) – действие этого механизма психологической защиты идентично, как и при формировании склонности к аддиктивному поведению (табл. 2).

7) «Всемогущий контроль» (при $\beta = -0,44$, $M_x = 22,9$) – испытуемые не склонны самостоятельно решать сложившиеся фрустрирующие ситуации и ведомы, но подобная неопределенность формирует склонность к аутоагрессивному поведению.

Выводы. Полученные результаты показали, что проявление склонности к девиантному поведению в старшем подростковом возрасте обусловлено влиянием некоторых механизмов психологической защиты и личностными особенностями. Согласно полученным в исследовании данным, наибольший вклад в формирование:

- склонности к зависимому поведению вносят личностные предикторы «Юмор» ($\beta = -2,3$), Q_4^- «Расслабленность – эмоциональная напряженность» ($\beta = -1,8$), «Регрессия» ($\beta = 1,3$) и Q_1^+ «Консерватизм – радикализм» (при $\beta = 1,2$);

- склонности к агрессивному поведению вносят личностные предикторы «Диссоциация» ($\beta = 2,1$), «Юмор» ($\beta = -1,9$), «Вытеснение» ($\beta = 1,1$) и A^+ «Замкнутость – общительность» ($\beta = 1$);

- склонности к суицидальному поведению вносят личностные предикторы Q_4^- «Расслабленность – эмоциональная напряженность» ($\beta = -0,84$), «Регрессия» ($\beta = 0,79$), «Предвосхищение» ($\beta = -0,79$), L^+ «Доверчивость – подозрительность» ($\beta = 0,75$).

Особое внимание вызывает факт влияния психологической защиты «Проекция» с отрицательным знаком на все регрессионные модели. Склонность к девиантному поведению не возникает, если испытуемый неосознанно приписывает собственные желания и чувства другому человеку. Возможно, это связано с тем, что механизм психологической защиты «Проекция» может быть причиной возникновения мелких межличностных конфликтов, эскалация которых позволяет избавиться от внутреннего напряжения, таким образом, необходимость получить суррогатные эмоции посредством девиации нивелируется. При этом предиктор L^+ «Доверчивость – подозрительность» оказывает противоположное воздействие на возникновение склонности к зависимому и суицидальному поведению, респонденты испытывают раздражение и склонны осознанно перекладывать собственные ошибки на других, что указывает на некоторое противоречие.

Предиктор Q_1^+ «Консерватизм – радикализм» вошел только в одну регрессионную модель склонности к зависимому поведению, хотя именно агрессивное поведение во многом связано с свободомыслием и недоверием к авторитетным лицам.

Также внимания заслуживает механизм психологической защиты, обозначенный авторами методики как «Всемогущий контроль», который вносит положительный вклад в регрессионную модель склонности к агрессивному поведению и отрицательный – в показатель склонности к суицидальному поведению. Хотя параметр «Всемогущий контроль» и рассматривается как относящийся к невротической группе

защит, работающих на когнитивном уровне, согласно представлениям Е. Р. Пилюгиной и Р. Ф. Сулейманова [15], низкие или высокие результаты в любом случае формируют склонность к девиантному поведению.

Было выявлено, что значительный суммарный вклад во все регрессионные модели внесли механизмы психологической защиты психотической группы («Регрессия», «Ипохондрия», «Вытеснение», «Диссоциация», «Изоляция»). Можно думать, что именно ослабление силы этих механизмов и переход к более зрелым адаптивным копинг-стратегиям снизит риск возникновения склонности к девиантному поведению в старшем подростковом возрасте.

Таким образом, результаты исследования с применением множественного регрессионного анализа позволили описать личностный портрет старшего подростка, имеющего риск формирования склонности к девиантному поведению. Выявлено, что механизмы психологической защиты влияют на формирование склонности к девиантному поведению, причем парадоксальным образом, поскольку их основной функцией должно быть снижение внутреннего напряжения и тревожности посредством использования собственных ресурсов психики.

Список источников

1. Андронникова О. О. Отношение детей с миграционным прошлым к обучению в школе как признак социально-психологической адаптации // Сибирский педагогический журнал. – 2025. – № 1. – С. 142–155.
2. Богданова О. А. Взаимосвязь социально-психологического типа личности и склонности к девиантному поведению: опыт эмпирического исследования // Ломоносовские научные чтения студентов, аспирантов и молодых ученых – 2024. – Архангельск: Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова, 2024. – С. 19–24.
3. Богданова О. А. Причины склонности к девиантному поведению у подростков // Социокультурные проблемы современного человека: материалы X Международной научно-практической конференции. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2024. – С. 96–100.
4. Геодакян В. А. Два пола. Зачем и почему? Эволюционная теория пола В. А. Геодакяна. – М., 2012. – 250 с.
5. Гилинский Я. И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений»: монография. – 4-е изд. – СПб.: Алетейя, 2024. – 602 с.
6. Жадан В. Н. Об анализе причин и условий, обуславливающих возникновение и развитие девиантного поведения несовершеннолетних // Юридическая наука. – 2022. – № 2. – С. 62–68.
7. Капустина А. Н. Многофакторная личностная методика Р. Кеттелла. – СПб.: Речь, 2001. – 12 с.
8. Кольчик Е. Ю., Ушакова В. Р. Гендерные особенности отклоняющегося поведения подростков [Электронный ресурс] // Мир науки. Педагогика и психология. – 2020. – № 5. – С. 1–9. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gendernye-osobennosti-otklonyayushchegosya-povedeniya-podrostkov> (дата обращения: 24.03.2025).
9. Кошенова М. И. Специфика буллинг-процессов в многонациональных школах с преобладающей численностью детей с миграционной историей // Социальная и экономическая психология. – 2025. – Т. 10, № 4 (40). – С. 72–104.
10. Кузнецова Е. В. Психологический профиль агрессивных подростков // Развитие человека в современном мире. – 2025. – № 2. – С. 46–60.
11. Кушнерук С. Л. Ксенофобия как фактор идеологического миромоделирования в цифровой коммуникации // Журнал Сибирского федерального университета. Серия:

Гуманитарные науки. – 2023. – Т. 16, № 6. – С. 871–883.

12. Методическое руководство: сборник тестов программно-методического комплекса дифференциальной диагностики поведенческих нарушений несовершеннолетних «Диагност-Эксперт+» / Н. В. Дворянчиков, В. В. Делибалт, Е. Г. Дозорцева, М. Г. Дебольский, А. В. Дегтярев, Р. В. Чиркина, А. В. Лаврик. – М.: МГППУ, 2017. – 198 с.

13. Назарова В. А., Штермер А. А., Шведчикова Е. В. Девиантное поведение несовершеннолетних: причины и профилактика // Научный альманах Центрального Черноземья. – 2022. – № 1-6. – С. 247–252.

14. Нечаев В. В., Нечаева С. Л., Новацкий В. В. Патриотическое воспитание как направление профилактики девиантного поведения подростков // Вестник науки. – 2024. – Т. 2, № 9 (78). – С. 243–255.

15. Пилюгина Е. Р., Сулейманов Р. Ф. Методика измерения психологической защиты // Экспериментальная психология. – 2020. – Т. 13, № 2. – С. 194–209.

16. Пискарьёва М. В. Девиантное поведение и формы его проявления в подростковом возрасте // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. – 2018. – № 1. – С. 86–90.

17. Реан А. А., Коновалов И. А. Проявление агрессивности подростков в зависимости от пола и социально-экономического статуса семьи // Национальный психологический журнал. – 2019. – № 1 (33). – С. 23–33.

18. Сундиев И. Ю. «Токсичный» контент в сети Интернет и его влияние на радикализацию молодежи // Научный портал МВД России. – 2020. – № 4 (52). – С. 35–44.

19. Таганова А. А., Лансарь М. В. К проблеме вовлечения несовершеннолетних в деструктивную деятельность посредством информационно-коммуникационных технологий // Российский девиантологический журнал. – 2023. – № 1. – С. 52–58.

20. Ухова И. В. Теоретический анализ агрессивного поведения осужденных мигрантов в местах лишения свободы: проблемы и пути решения // Психология и педагогика служебной деятельности. – 2025. – № 2. – С. 74–77.

References

1. Andronnikova O. O. The attitude of children with a migration background to schooling as a sign of socio-psychological adaptation. *Siberian Pedagogical Journal*, 2025, no. 1, pp. 142–155. (In Russian)

2. Bogdanova O. A. The relationship between the socio-psychological personality type and the tendency to deviant behavior: the experience of empirical research. *Lomonosov Scientific Readings for Students, Postgraduates and Young Scientists – 2024*. Arkhangelsk: Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov, 2024, pp. 19–24. (In Russian)

3. Bogdanova O. A. The causes of the tendency to deviant behavior in adolescents. *Socio-cultural problems of modern man: proceedings of the X International Scientific and Practical Conference*. Novosibirsk: Publishing House of the NSPU, 2024, pp. 96–100. (In Russian)

4. Geodakyan V. A. Two sexes. Why and why? The evolutionary theory of gender by V. A. Geodakyan. Moscow, 2012, 250 p. (In Russian)

5. Gilinsky Ya. I. *Deviantology: the sociology of crime, drug addiction, prostitution, suicide and other “deviations”*: monograph. 4th ed. Saint Petersburg: Alethea, 2024, 602 p. (In Russian)

6. Zhadan V. N. On the analysis of the causes and conditions that determine the emergence and development of deviant behavior of minors. *Legal Science*, 2022, no. 2, pp. 62–68. (In Russian)

7. Kapustina A. N. R. *Kettell’s multifactorial personality methodology*. Saint Petersburg: Speech, 2001, 12 p. (In Russian)

8. Kolchik E. Yu., Ushakova V. R. Gender-specific deviant behavior of adolescents [Electronic resource]. *The World of Science. Pedagogy and Psychology*, 2020, no. 5, pp. 1–9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gendernye-osobennosti-otklonyayushchegosyapovedeniya-podrostkov> (date of access: 24.03.2025). (In Russian)
9. Koshenova M. I. The specifics of bullying processes in multinational schools with a predominant number of children with a migration history. *Social and Economic Psychology*, 2025, vol. 10, no. 4 (40), pp. 72–104. (In Russian)
10. Kuznetsova E. V. Psychological profile of aggressive adolescents. *Human Development in the Modern World*, 2025, no. 2, pp. 46–60. (In Russian)
11. Kushneruk S. L. Xenophobia as a factor of ideological world modeling in digital communication. *Journal of the Siberian Federal University. Series: Humanities*, 2023, vol. 16, no. 6, pp. 871–883. (In Russian)
12. Methodical guidance: collection of tests of the software and methodological complex for differential diagnosis of behavioral disorders of minors “Diagnostic Expert+”. N. V. Dvoryanchikov, V. V. Delibalt, E. G. Dozortseva, M. G. Debolsky, A. V. Degtyarev, R. V. Chirkina, A. V. Lavrik. Moscow: MGPPU, 2017, 198 p. (In Russian)
13. Nazarova V. A., Shtermer A. A., Shvedchikova E. V. Deviant behavior of minors: causes and prevention. *Scientific Almanac of the Central Black Earth Region*, 2022, no. 1-6, pp. 247–252. (In Russian)
14. Nechaev V. V., Nechaeva S. L., Novatsky V. V. Patriotic education as a direction of prevention of deviant behavior of adolescents. *Bulletin of Science*, 2024, vol. 2, no. 9 (78), pp. 243–255. (In Russian)
15. Pilyugina E. R., Suleymanov R. F. The methodology of measuring psychological protection. *Experimental Psychology*, 2020, vol. 13, no. 2, pp. 194–209. (In Russian)
16. Piskareva M. V. Deviant behavior and its forms of manifestation in adolescence. *Bulletin of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*, 2018, no. 1, pp. 86–90. (In Russian)
17. Rean A. A., Konovalov I. A. The manifestation of aggressiveness of adolescents depending on the gender and socio-economic status of the family. *National Psychological Journal*, 2019, no. 1 (33), pp. 23–33. (In Russian)
18. Sundiev I. Yu. “Toxic” content on the Internet and its impact on the radicalization of youth. *The Scientific Portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2020, no. 4 (52), pp. 35–44. (In Russian)
19. Taganova A. A., Lapsar M. V. To the problem of involving minors in destructive activities through information and communication technologies. *Russian Deviantological Journal*, 2023, no. 1, pp. 52–58. (In Russian)
20. Ukhova I. V. Theoretical analysis of aggressive behavior of convicted migrants in places of detention: problems and solutions. *Psychology and Pedagogy of Professional Activity*, 2025, no. 2, pp. 74–77. (In Russian)

Информация об авторе

О. А. Богданова – ассистент кафедры общей психологии и истории психологии факультета психологии, Новосибирский государственный педагогический университет, г. Новосибирск, Россия, <https://orcid.org/0009-0007-1002-0389>, olga.bogdanova5167@mail.ru.

Information about the author

O. A. Bogdanova – Assistant Professor at the Department of General Psychology and History of Psychology at the Faculty of Psychology, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia, <https://orcid.org/0009-0007-1002-0389>, olga.bogdanova5167@mail.ru.

Статья поступила в редакцию 02.12.2025; одобрена после рецензирования 10.01.2026; принята к публикации 29.01.2026.

The article was submitted 02.12.2025; approved after reviewing 10.01.2026; accepted for publication 29.01.2026.

